

Федеральные войска штурмуют Грозный

Фото Виктора Хабарова

От редакции. Бой в городе — очень специфический вид боевых действий, когда в течение короткого срока наступающий вдруг превращается в обороняющегося и наоборот. Он требует серьезной специальной подготовки людей, детальной проработки всех операций, предъявляет к управлению войсками и организации взаимодействия высочайшие требования. В череде боев не только чеченской войны, но и всех вооруженных конфликтов последних десятилетий штурм Грозного выделяется сложностью условий применения войск, масштабом привлекавшихся сил и средств. На наш взгляд, уже это не допускает однозначности в оценках событий, к рассмотрению которых мы с вами еще не раз будем возвращаться.

Переживая очередной обстрел, долго лежим между обломанных зубов стен. Сквозь кирпич плечо воспринимает глухие удары пуль. Тук-тук-тук, как гвозди забивают. Тело непроизвольно сжимается в комок.

Капитан рядом со мной молчалив и измотан. Он здесь уже десять дней — старше мало кого найдешь. Тут и там среди обломков стен горбатятся зеленые скаты касок и бронежилетов сотни человек. Может даже меньше. Батальон получил задачу выдвинуться на усиление полка, занимающего оборону впереди нас. Собственно говоря, с позиций этого полка нас сейчас и долбят из всех калибров. Но капитану это, как видно, достаточно привычно. Он досадливо сколупывает с брови засохшую кляксу грязи и смотрит на часы.

Потом на меня

— Минут через десять выдохнутся, а там оборемся. — Обороты — это установить звуковую связь. Крикнуть попросту, что мы свои. Как капитан и обещал, огонь понемногу начинает стихать. Наконец поперхнулся и замолк самый настырный пулемет. Тогда, резко набрав в легкие воздух, капитан во всю глотку орет:

— Хорош х...ярить, пехота! Свои!... — Спустя несколько секунд из-за стены дома метрах в пяти - десяти доносится: — Кто свои? Отзовись! — Капитан... второй батальон.

— Покажись! — Капитан еще раз глубоко вздыхает и рывком встает. Но по всему видно, как он напряжен — чуть что, юркнет в каменную щель.

Опять пауза. Наконец слышно: — Давай сюда! — Подъем! — негромко командует капитан. Из руин начинают выползать солдаты. Вскоре вся площадка наполнена людьми. Батальон ротными группами перебегает к дому. Комбат и группа управления идут предпоследними.

За стеной мешанина ящиков с боеприпасами, мешков с песком, оружия, ломов, лопат и прочего военного скарба. Капитана встречает другой капитан. Жмут руки как ни в чем не бывало, но не улыбаются.

— Прости, Игорек, мохор (солдат — жарг.) решил, что чечи в атаку пошли.

— Где ты видел батальон чечей?.. — Капитан прав. Чечены группами больше десяти-пятнадцати человек не воюют. Это, так сказать, ударный отряд. А чаще — трое-пятеро. И обычно родня.

На ящике из-под «мух» фельдшер бинтует левое предплечье какого-то солдата. На белом бинте ярко проступает кровь.

— Сейчас? — спрашиваю солдата. Тот кивает, кривя от боли губы. — Сильно?

— Нет, — отвечает фельдшер. — Чуть мазнула! Кровит только...

В Грозном не найдешь сегодня солдата или офицера, не побывавшего под огнем у своих. По своим кроют все: авиация и артиллерия, танки и снайперы. Сейчас меньше, первые дни — страшно.

Войска, брошенные на штурм города, без четкого взаимодействия, организации единого боевого управления, связи заблудились, перемешались и практически остались в одиночестве. Никто не знал, где соседи, где противник. В такой неразберихе побеждают простейшие инстинкты — бить по всему, что движется. И били. Еще как били!

Командир мотострелкового полка подполковник Владимир В. давно прошел здесь фазу страха за свою карьеру. И потому предельно откровенен.

— Каждый второй убитый в полку — убит от огня своих. Когда я слышу рев самолета — меня просто колотит. Авиация работает преступно плохо. Артиллерия чуть лучше. Любое передвижение по городу — это однозначный огонь от своих. А уж если это в темное время суток, тут и до расположений своих батальонов можно и не дойти. Люди измотаны и взвинчены до предела. Полк десятые сутки в городе. Вошли деблокировать окруженные после новогоднего штурма части. Сюда пробивались четверо суток. Тут, вроде бы как дралась в окружении сводная бригада из Майкопа. Так и стоит где дралась, — и комполка кивает в сторону окна. За узкой бойницей — небольшая площадь, на ней сюрреалистический пейзаж. В беспорядке, как на детской площадке игрушки, на площади замерли в самых причудливых формах десятки танков, бэтээров. Взгляд выдергивает из общей массы невиданную конструкцию. Танковое шасси, вычурная башня, направляющие ракет, колпак локатора, стволы пушек по бокам.

— Тунгуска, — объясняет командир. — Новейший войсковой певеошный комплекс. Какой... пригнал ее сюда и зачем — ума не приложу.

Это беспорядочно разбросанное стадо сожженной техники подавляет и угнетает. Сколько же здесь ее? Восьмидесяток и семьдесят вторых — мы насчитали восемнадцать. БТРы не считали. Там за поворотом еще пара «шилок» стоит.

В ночь на первое так же, как два месяца назад оппозицией, на город были брошены механизированные колонны. Дивизии и бригады в считанные часы дошли до центра, после чего встали, выполнив задачу. И тогда с верхних этажей, из подворотен в колонны ударили сотни гранатометов. Смертельно опасные в поле, но беззащитные, неуклюжие в городе, танки, бэтээры вспыхивали один за другим. По свидетельству уцелевших, колонны уничтожались за минуты.

Трагедию усугубляло то, что войска имели жесткий приказ: от техники не отходить, в дома не входить! — найти бы идиота, отдавшего его! Экипажи, пехота, боекомплект — все было в технике. Никто не прятался, не рассредоточивался. Гранатометчики били с крыш, куда даже при максимальном угле возвышения танковой пушке просто не достать.

Из нескольких сотен танков, БМП, БТР, САУ, вошедших в город, обратно вышли единицы. У тех редких танков, которые смогли вырваться, меньше пяти попаданий из гранатомета автор этих строк не насчитал ни у одного. И практически ни у кого не был израсходован даже наполовину боекомплект. — Я не видел целей, — сказал мне один из танкистов. — А те, которые видел, достать не мог. У меня танк, а не зенитная пушка, чтобы стрелять вверх...

* * *

К штабу дивизии у горбольницы прибыл сводный полк Закавказского округа. Ротный одного из батальонов бесхитростно спросил: «Где тут можно пристрелять оружие, все новое со складов, не пристрелянное». Через несколько часов этот батальон был уже

введен в бой...

Вообще слово «сводный» самое распространенное в группировке. «Сводный» — это значит набранный с бору по сосенке. Не осталось в Российской Армии полнокровных частей и соединений. От дивизии собирается «сводный» полк, куда «забивают» всех, кто не может отвертеться от войны. И даже в «сводном» виде этот полк едва укомплектован процентов на шестьдесят...

В «сводных» полках, брошенных на Грозный в новогоднюю ночь, сплошь и рядом экипажи знакомились друг с другом на марше, а уж ни о каком боевом сколачивании подразделений речи не шло.

Один типичный диалог: — Танкист рядовой Еремеев. Из 131-й «сводной» бригады. — Документов у танкиста нет. Ротный собрал. — А как фамилия ротного? — Не знаю. Нас ему 31-го передали. Не успел запомнить. — А где он сам? — На Первомайской сгорел...

Невысокий, плотный, чуть лысеющий, весь какой-то мужиковатый майор Иван Петрович больше похож на тракториста. Сходство усугубляет замызганный до бесцветности грязью бушлат, прокопченные руки. Батальон Ивана Петровича неторопливо, но упрямо идет к центру Грозного. В день — улица, две.

Сорок четвертое декабря

Автор: Капитан Владислав Шурыгин
10.08.2011 08:12 -

~~Сорок четвертое декабря~~

Сорок четвертое декабря

Автор: Капитан Владислав Шурыгин
10.08.2011 08:12 -

Сорок четвертое декабря

Автор: Капитан Владислав Шурыгин
10.08.2011 08:12 -

